

Надточей Ю.И.¹

Европейский союз в меняющейся парадигме глобализации

Аннотация. Изменения в направленности и содержании процессов глобализации, начавшиеся на рубеже 2010–2020-х годов, делают особенно актуальным вопрос о месте и роли в этих процессах Европейского союза как одного из центров силы поликентричного мира. В статье анализируется позиция ЕС в международных экономических и политических отношениях, делается попытка оценить «стартовые позиции», с которыми Евросоюз вступил в эпоху глобализации. Дается характеристика ЕС как уникального (*sui generis*) сообщества безопасности, экспортирующего интеграционные практики за свои пределы; особое внимание уделяется таким специфическим инструментам, как «европеизация» и «кондициональность», которые являются средствами расширения влияния ЕС на европейском пространстве и в более глобальном масштабе; подчеркивается ограниченный эффект применения средств воздействия ЕС на международную повестку на примерах отношений ЕС с великими державами (США, КНР, РФ), а также с широкой группой государств «глобального Юга». Сопоставление оценок потенциалов ЕС и других центров силы позволяет сделать вывод о сокращении возможностей ЕС как международного актора. В связи с этим анализируются причины отступления ЕС от более альтруистичных подходов к глобальному управлению («*good governance*») и предпосылки

¹ Надточей Юрий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ИИИОН РАН; ynadtochey@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8725-6495.

внедрения в практику более односторонних и более европоцентричных мер в отношениях ЕС с внешним миром. Постулируется тезис о концентрации ЕС на концепции «стратегической автономии» – как ответной реакции на кризисы глобализации и связанные с глобализацией снижение значимости сугубо рыночных факторов и увеличение значимости факторов geopolитики и безопасности.

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, интеграция, Европейский союз (ЕС), мультилатерализм, европеизация, международные организации, стратегическая автономия, глобальный Юг.

Дискуссии о месте и роли Европейского союза (ЕС) в международных отношениях и мировой политике не прекращаются с момента его возникновения как политического феномена. Очевидно, что ЕС представляет собой уникальный пример региональной интеграции, во многом ставшей прологом более глобальных процессов становления открытых экономик и демократических обществ, «ролевой моделью» для многих международных акторов – государств или других интеграционных группировок. Богатый опыт преодоления сложных проблем, накопленный ЕС за многие десятилетия, традиционно вызывал у исследователей повышенный интерес к нестандартным и нетривиальным решениям, к которым страны – участницы Евросоюза и его наднациональные органы неоднократно прибегали в самые ответственные, переломные моменты существования объединения. Преодоление внутренних и внешних кризисов со стороны сложноорганизованного сообщества стран с различной экономической базой, политическими системами и социокультурными особенностями, достигших высокого уровня унификации и синергии, казалось уникальным и неповторимым достижением. Однако ценность и применимость прежних политических практик и подходов ЕС к текущим условиям, особенно в свете меняющейся парадигмы глобализации, рекалибровки ее параметров, теперь представляется не столь очевидной, как прежде.

Сегодняшний Европейский союз сталкивается с вызовами, не имеющими прямых аналогов в истории и требующими принципиально иных мер противодействия, совершенно других по форме и содержанию стратегических ориентиров и подходов. Европектицизм и дефицит демократии, политический радикализм, миграционные и экономические неурядицы и другие, ставшие едва ли не

хроническими, проблемы европейской интеграции систематически обсуждаются в многочисленных научных и экспертных публикациях. В некоторых из них высказываются сомнения относительно релевантности европейского интеграционного опыта применительно к реалиям XXI в., постулируются тезисы об отсутствии у ЕС видимых перспектив достижения автономии в условиях дефицита внутренней сплоченности, снижения конкурентоспособности союза на фоне убывающей взаимозависимости все менее западоцентричного и все более полицентричного мира [Lohmann, 2021 ; Webber, 2016]. В то же время есть и немало исследований, оценивающих настоящее и будущее ЕС с более оптимистичных позиций [Cernat, 2022 ; Leonard, 2021 ; Making next ... , 2023]. Поскольку разнотечения в экспертных выкладках относительно истинных возможностей ЕС весьма значительны, существует необходимость более детального обзора основных направлений деятельности ЕС, его стратегического отклика на вызовы замедляющейся глобализации (англ. «slowbalization») или даже деглобализации (англ. deglobalization), оценки основных рисков и возможностей, связанных с этим явлением.

Пределы европеизации

Европейский союз начал участвовать в процессах глобализации, активно развернувшихся на рубеже 1980–1990-х годов, имея за спиной достаточный багаж компетенций, необходимых для участия в транснациональных экономических отношениях. Ему существенно помогли устоявшиеся к тому времени принципы либерализации торговли, а затем и упрощение режима перемещения факторов производства внутри единого рынка, ставшего своего рода «региональной лабораторией» будущей глобальной экономики открытых границ. Именно регионализация и региональная интеграция, заявившие о себе задолго до начала глобализации, позволили Европейскому союзу претендовать если не на лидирующие, то, по крайней мере, на прочные позиции в мировой торговле, производстве, технологических инновациях, движении капиталов и рабочей силы.

Важным преимуществом ЕС в нарождающейся глобальной экономике стала развитая система европейских общесоюзных институтов и солидные наработки в области создания наднациональных структур. Доктрина делегированного суверенитета, добро-

вольного ограничения полномочий отдельных национальных правительств ЕС, удачно вписывалась в концептуальные рамки неолиберальных подходов к управлению глобализацией. В то же время развитые регуляторные механизмы ЕС позволяли ему отчасти курировать наиболее несправедливые проявления глобализации (углубление неравенства, экологические проблемы и т.д.), по крайней мере применительно к социально-экономическим реалиям самого Старого Света. Западноевропейские страны в значительной мере сохранили социальную направленность своих экономик, отказываясь полагаться на стихию рыночных процессов даже в ущерб снижению конкурентоспособности в некоторых областях – финансах, научноемких технологиях и ряде других сфер, требующих большей экономической свободы и притока частных инвестиций.

ЕС, казалось бы, нашел необходимый баланс между капитализмом и социальной ответственностью, поставив во главу угла скорее общественное благо, нежели индивидуальное финансовое богатство [Fligstein, 1998]. Этот подход был положен в основу целого ряда инструментов «надлежащего управления» (англ. «good governance») и основанных на них программных документов ЕС, развивающих проблематику глобального развития, продвижения идей либерализации и демократизации через различные программы помощи многочисленной группе развивающихся стран – наиболее уязвимой части мирового сообщества в эпоху глобализации [Börzel, Pamuk, Stahn, 2008]. По замыслу политических лидеров ведущих стран – участниц ЕС и его многочисленных функционеров, подобная деятельность Евросоюза должна была принести ему ощутимые имиджевые (и не только) дивиденды [External perceptions ... , 2010]. Реализация союзом активной и прогрессивной внешней политики должна была сформировать соответствующий образ «организации-альtruиста», проявляющей заинтересованность в устойчивом международном развитии, а не только безудержном экономическом росте (с которым чаще всего связывалась деятельность главного локомотива глобализации – США).

Не меньшие надежды еврооптимисты возлагали на ЕС как на проводника глобальной безопасности, указывая на его более чем внушительные успехи в деле превращения европейского континента в один из наиболее мирных регионов земного шара. Проведенный за несколько десятилетий путь интеграции привел запад-

ноевропейские нации к формированию уникального (*sui generis*) сообщества с особой культурой мира. Исследователи заговорили о ЕС как о «гражданской силе» [Duchêne, 1973], «нормативной силе» [Manners, 2002] или «образцовой империи» [Zielonka, 2006], которая пытается распространять свое влияние не через военную мощь, а скорее через экономическую, юридическую и культурную дипломатию, делая собственную модель развития привлекательной не только для членов сообщества, но для государств, не входящих в него. Достижения ЕС как «сообщества безопасности», где конфликты между членами разрешаются либо правовым способом (через регулирование) либо политико-дипломатическим путем (через переговоры), представлялись наблюдателям интересными и многообещающими в плане проекции на другие международные регионы [Adller, 2010 ; Bremberg, 2015].

Проецируя «мягкую силу» за пределы европейского континента, ЕС рассчитывал (и все еще рассчитывает) на укрепление своих позиций в мировой экономике и политике посредством презентации своих достижений перед государствами-аутсайдерами, демонстрируя им возможность развития через приобщение к передовому европейскому опыту и получение от ЕС различных видов помощи взамен на рецепцию европейских норм и стандартов в области экономики, прав человека или защиты окружающей среды. В рамках политики «европеизации» и «кондициональности» подобный расчет отчасти оправдал себя: многие региональные игроки, прежде всего бывшие социалистические страны Центральной и Восточной Европы, а также Балкан, встали на путь политического и экономического транзита от авторитаризма к демократии и от плановой экономики к рынку. Вне всяких сомнений, для ЕС процесс интеграции этой группы стран в свои ряды оказался трудным и затратным. Остаточные формы авторитаризма, национализма и антиевропеизма в этих регионах неоднократно заявляли и периодически все еще заявляют о себе. Но это не помешало ЕС добиться искомого результата – создания «расширенной Европы» (англ. «wider Europe»). В результате западноевропейское ядро Евросоюза получило возможность экономического освоения периферийных стран континента, при этом отодвинув границы ЕС подальше на восток, что не в последнюю очередь мотивировалось (как выяснилось позже – ошибочно) соображениями безопасности.

Что же касается притязаний ЕС на глобальное лидерство, то их реализация столкнулась с гораздо большими сложностями. Возможности Евросоюза проецировать собственную силу на крупнейших мировых игроков (великие державы) оказались несопоставимо более скромными. И хотя такие страны как США, Россия и Китай являются важнейшими международным контрагентами ЕС во многих областях, они явно не намерены следовать в русле европейских политico-экономических и правовых практик и стандартов, особенно с учетом того, что к их выработке они не имели (и не имеют) непосредственного отношения. Располагая базовыми условиями для самодостаточности – значительными материальными и организационными ресурсами, – Пекин, Вашингтон и Москва в состоянии придерживаться собственных больших стратегий и политических нарративов, которые содержательно и пространственно существенно превосходят стратегические установки, цели и амбиции Евросоюза в глобальном мире.

Объединенной Европе, напротив, приходится учитывать фактор собственной зависимости от этих трех игроков в самых различных аспектах. В наименьшей степени эта зависимость проявляется в отношениях между ЕС и Россией, хотя до совсем недавнего времени последняя была одним из главных поставщиков углеводородов в Европу: в 2021 г. доля российской нефти на европейском рынке составляла 27%, газа – 40%, угля – 45% [In focus ..., 2022]. Зависимость ЕС от КНР и США гораздо более значительна. От КНР европейские страны получают минеральные ресурсы, различные виды сырья, полуфабрикатов и готовой продукции, причем объемы импорта только нарастают: в 2020 г. доля китайских товаров в общем объеме импорта ЕС составила 22%, тогда как в 2000 г. эта цифра не превышала 12% [De Matos, 2022]. Что же касается отношений между ЕС и США, то и здесь ситуация складывается не в пользу первого. Если в 2008 г. по объему ВВП европейская (с учетом Великобритании) и американская экономики были примерно сопоставимы, то в 2022 г. США по этому показателю существенно опередили ЕС (25 трлн долл. у США против 19,8 трлн долл. у ЕС) [O'Neill, 2023]. Европейские рынки все в большей степени становятся объектом американской энергетической и технологической экспансии, а военно-политическая зависимость Европы от США по линии НАТО остается определяющей, что также, даже

по чисто количественным показателям, свидетельствует не в пользу достижения ЕС искомой им «стратегической автономии» в области внешней безопасности [Defence expenditure ... , 2023]. Стратегическая цель Евросоюза – создание широкого «кольца друзей», опоясывающего европейский континент, – оказалась гораздо более труднодостижимой на деле, нежели в теории. Как показал вооруженный конфликт между Россией и Украиной, ЕС пока не в состоянии обеспечить защищенность даже своего «восточного фланга» в лице отдельных стран Восточного партнерства и ассоциированных членов Евросоюза (Украины, Молдовы, Грузии).

Противоречивыми по результатам выглядят и попытки объединения проецировать нормативную силу ЕС на развивающиеся страны – так называемые страны «глобального Юга». Попытки оказать стабилизирующее воздействие на политическую и экономическую ситуацию в некоторых государствах, входящих в эту многочисленную группу, нередко заканчивались безуспешно, а в ряде случаев – приводили к возникновению проблем уже в самом ЕС. Так, явно неудачная стратегия Евросоюза в ходе политических кризисов или вооруженных конфликтов 2010-х годов на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке южнее Сахары стала причиной беспрецедентных вызовов в области безопасности (как внутренней, так и внешней).

Таким образом, стремление ЕС к обретению статуса подлинного глобального актора наткнулось на объективные ограничители. Евросоюзу не удалось в полной мере достичь уровня внутренней когерентности, достаточной для перевода его в разряд глобальных игроков, по ключевым критериям – авторитет, автономия, внешнее признание и внутренняя сплоченность [Jupille, Caporaso, 1998]. Несмотря на различные шаги, предпринимаемые государствами – членами ЕС и его институтами в данном направлении, и даже на некоторые успехи, полноценная акторность Евросоюза, сопоставимая с положением крупных национальных государств, все еще находится в пределах гипотетического теоретизирования, а не реальной перспективы. Это обстоятельство не остается незамеченным другими центрами силы, как глобального, так и регионального масштаба, которые признают за ЕС статус весьма успешного экономического объединения, но не полностью автономного политического субъекта.

Европейский союз и пять кризисов глобализации

Миновав относительно спокойное первое десятилетие XXI в., Европа вступила в сложный период экономической и политической турбулентности. Даже самые пессимистичные прогнозы начала 2000-х годов вряд ли могли очертить контуры кризисов, которые вскоре реализовались на европейском континенте. Эти кризисы – финансовый (2008), миграционный (2015), Brexit (2016), пандемический (2020) и военно-политический (2022 – наст. вр.) – не только стали проверкой на прочность для европейского единства, но и заставили европейские политические элиты, а равно и широкие массы граждан всерьез задуматься о релевантности модели развития ЕС, базирующейся на принципах политического и экономического либерализма, свободного рынка и демократии.

Но было бы ошибкой считать, что кризис этой модели начался в первом десятилетии XXI в., так как все пять вышеупомянутых кризисов лишь обнажили копившиеся годами противоречия европейской интеграции. Они стали индикатором застарелых проблем и дилемм, с которыми страны ЕС были вынуждены сосуществовать довольно продолжительное время – как минимум с конца 1980-х – начала 1990-х годов.

Тезис о незавершенности и половинчатости процесса европейского строительства неоднократно постулировался еще с первых лет создания ЕС как организации и не раз находил подтверждение на практике, причем в самых разных областях – от создания монетарного союза до Общей внешней политики и политики в сфере безопасности / обороны (ОВПБ / ОПБО). Пределы возможностей для «федерализации» Евросоюза отчетливо обозначились еще в 2005 г., после провала проекта конституции ЕС – важнейшего атрибута государственности. Евросоюз был вынужден найти более компромиссную и менее претенциозную формулировку для названия базового документа о своей реформе – будущего Лиссабонского договора (2007).

Тем не менее даже с принятием этого документа, наделившего Евросоюз международно-правовой субъектностью, правовая система ЕС даже отдаленно не приблизилась по своей природе к правовым системам национальных государств. Многие ключевые сферы властных полномочий по-прежнему остаются прерогативой

суверенных стран, в то время как другие отнесены к смешанной компетенции ЕС и его отдельных членов, что порой вносит неразбериху и сумятицу в процесс принятия решений, особенно в чрезвычайных обстоятельствах [Kamphof, Wessel, 2018 ; Delhomme, 2020]. Даже наиболее продвинутые и, как считалось, наиболее устойчивые области интеграции, с исключительной компетенцией наднациональных институтов ЕС (такие, как зона евро) едва сумели сохранить целостность перед лицом масштабных потрясений, вызванных последствиям глобального финансового кризиса 2008 г. Последовавшие за ним миграционный и пандемический кризисы только усугубили ситуацию, а их мультиплекативный эффект продемонстрировал недостаточную результативность и оперативность действий ключевых институтов ЕС (Совета ЕС, Еврокомиссии, Европарламента) в критической обстановке. Медлительность наднациональных структур создала ситуацию правовой и политической неопределенности, ликвидировать которую приходилось уже национальным правительствам, зачастую в одностороннем порядке и с опорой преимущественно на собственные силы и возможности. Выяснилось, что и европейское единство небезгранично, а провозглашенные в уставных документах ЕС принципы и ценности (обеспечение прав и свобод человека и гражданина, равенство, социальная справедливость, демократия, правовое государство) в особых случаях могут быть лимитированы государством, причем не только не вызывая протеста со стороны граждан, но и даже находя у них поддержку.

Этатизм – и как идея рыночной экономики с большим объемом государственного вмешательства, и как реальная политическая сила – оказался весьма привлекателен для массового избирателя на фоне неспособности прочих, преимущественно негосударственных акторов (НКО, бизнеса) предложить внятную схему купирования кризисов глобализации, ее экономических, технологических и иных издержек и вызовов, затрагивающих интересы широких слоев общества. Неуверенность массового избирателя в будущем создала предпосылки для формирования новой политической повестки, основанной на принципах социальной ответственности и общественной безопасности, спровоцировала запрос не столько на либерализацию, сколько на ужесточение контроля над прежде более свободными областями деятельности – трансграничным перемеще-

нием людей, потоков информации и т.д. Более отчетливо стала проявляться общественная поддержка мер укрепления правопорядка (противодействие терроризму и нелегальной миграции, преступности и наркоторговле), социальных гарантит (борьба с безработицей, различные льготы и субсидии), все громче стали раздаваться голоса критиков открытого общества, космополитизма, стихийного рынка.

В эпоху кризисов различные социальные слои зачастую требуют не столько ускоренного экономического роста и обогащения, сколько предсказуемости и безопасности. Более того, по всей видимости, они готовы поддерживать на выборах политические силы, сулящие не только благосостояние и прогресс, но и чувство справедливости [Христенко, 2012 ; Братерский, 2023]. Социальная изоляция и массовые карантины в период пандемии COVID-19 прибавили к этому потребность в солидарности, а военный конфликт между Россией и Украиной – еще и потребность в чувстве защищенности. И если ранее вопросы обеспечения процветания, прогресса и безопасности в массовом сознании европейцев хотя бы отчасти связывались с действиями наднациональных органов ЕС, то теперь ситуация изменилась.

Противоречивые решения и несвоевременные действия руководства ЕС становятся причиной прихода к власти лидеров-националистов, меняют модальность отношений между Евросоюзом как таковым и его отдельными государствами-членами, укрепляют позиции критиков устоявшихся форматов евроинтеграции. При всем многообразии политических платформ и программ euroskeptиков их все в той или иной мере объединяет антилиберализм, популизм, критика представительной демократии и апелляция к различным формам непосредственного волеизъявления граждан (референдумам) [Norris, Inglehart, 2019]. Итоги выборов и референдумов в Испании, Франции, Великобритании не только отражают специфические внутринациональные проблемы отдельно взятых стран – участниц ЕС, но становятся своего рода индикаторами уровня доверия общественности как к национальным властям, так и к Евросоюзу и его политике в целом [Белинский, 2018].

Укрепление позиций популистов по обе стороны Атлантики, в США и в Европе, наносит серьезный урон евроинтеграции. Выход Великобритании из состава ЕС, приведший к тому, что объединение потеряло свою вторую по величине экономику (15% от

совокупного ВВП ЕС), замедлил процессы либерализации экономических и политических процессов в Европе и, как заранее предупреждали критики референдума, способствовал укреплению позиций протекционистов и евроскептиков в различных ее частях [Patel, Renwick, 2016].

Сторонники укрепления и углубления евроинтеграции (системные политики-либералы) вынуждены реагировать на лозунги оппонентов из радикального лагеря, призывающих к пересмотру сложившихся механизмов взаимодействия между национальными и наднациональными центрами принятия решений, с акцентом на укрепление роли последних. Центристские силы в лице лидеров «европеистов», опасающиеся возможного победного марша евроскептиков, пытаются действовать на опережение, предлагая своим обществам различные планы по реформе или, по меньшей мере, модификации отдельных наиболее уязвимых сфер интеграции. По их замыслу, эти меры должны привести к укреплению институциональной структуры ЕС, замедлить центробежные тенденции внутри объединения и упрочить его международные позиции [Initiative pour l'Europe ... , 2017 ; President Jean-Claude Juncker's ... , 2017 ; Kanzlerin Merkel ... , 2018].

От мультилатерализма к унилатерализму: новые тенденции политики ЕС

Говоря о мерах, избранных сторонниками укрепления евроинтеграции и направленных на противодействие ее внутренним и внешним вызовам, невозможно не выделить некоторые новаторские подходы. Парадоксально, но кризисы глобализации 2010–2020-х годов не только не ослабили, но и, напротив, усилили стремление Евросоюза к автономии. Более критичный взгляд на ускоренную глобализацию образца 1990-х годов и осознание европейскими элитами и обществами несбыточности своих притязаний на «новый европоцентризм» стимулировали новые тенденции в укреплении региональной идентичности. Организующим принципом политики ЕС в настоящее время является скорее не глобализм, а хорошо управляемый регионализм, лучше отражающий непосредственные интересы ЕС и его государств-членов, но при этом не подразумевающий возврата к региональной замкнутости и изоляционизму. ЕС принял мысль о неизменности конкурентной при-

роды глобализации, а лидеры объединения теперь более реалистично оценивают свои возможности влиять на этот процесс, не пытаясь придавать ему более «справедливый» характер. ЕС все меньше готов играть роль «хорошего глобального актора», стремящегося находить взаимовыгодные для всего мира решения существующих проблем [Understanding the EU ... , 2022]. Отныне он всего лишь следует общемировым трендам, отчасти копируя паттерны более эгоистичного поведения других региональных группировок или отдельных стран. Такой подход не свидетельствует о полном изъятии из арсенала ЕС «гуманитарной компоненты», отказе от поддержки устойчивого развития, борьбы с бедностью и болезнями или прекращения оказания продовольственной помощи нуждающимся странам. В то же время, как наглядно продемонстрировали миграционный и коронавирусный кризисы, выявившие склонность ЕС к принятию односторонних мер, принцип первоочередной защиты устойчивости самого Евросоюза, его экономики и населения, очевидно будет главенствовать [Sjöholm, 2023 ; De Ville, Happersberger, Kalimo, 2023].

Принимая за основу эту максиму, а также предвидя различные риски природного, техногенного или геополитического характера, включая пандемии, вооруженные конфликты, разрывы логистических связей как в самой Европе, так за ее пределами, ЕС демонстрирует готовность к пересмотру своей прежней альтруистичной стратегии «эффективного мультилатерализма» (англ. effective multilateralism). Примечательно, что широко анонсированная в 2021 г. новая инициатива ЕС под названием «Глобальный шлюз» (англ. Global Gateway) – стратегия развития высокотехнологичных, экологичных и безопасных глобальных связей в таких сферах, как цифровизация, энергетика, транспорт, здравоохранение, образование и исследования, – даже по официальным оценкам, имеет тесную привязку к геополитическим и геоэкономическим потребностям ЕС [Barbero, 2023]. Евросоюз признает, что, хотя эта инициатива и будет базироваться на европейских ценностях, они не будут доминировать в отношениях с развивающимися странами, которые захотят принять участие в данной инициативе.

Гораздо более важной задачей для ЕС становится контроль над глобальной инфраструктурой и обеспечение доступа к ней в условиях нарастающей политизации, секьюритизации и даже ве-

понизации (англ. weaponization) ведущих отраслей мировой экономики – торговли, инвестиций, финансовой и технологической сфер [Farrell, Newman, 2023 ; Nölke, 2022]. Главы отдельных институтов Евросоюза и лидеры его стран-участниц испытывают все больше опасений по поводу будущего глобализации, ее вероятного замедления, вплоть до полной остановки, что потенциально может привести к увеличению фрагментации мира, распаду глобальной экономики на отдельные политико-экономические зоны во главе с автономными центрами силы [Lagarde, 2022 ; Scholz, 2022]. По мнению некоторых экспертов-скептиков, сохранять влияние на эти региональные центры, с их особыми нормативными порядками и интеграционным процессами, опираясь на концепт своей «нормативной силы», ЕС вряд ли способен ввиду сокращения имеющихся в его распоряжении экономических и политико-дипломатических возможностей [Springford, 2022].

Доля ЕС в мировой экономике постепенно снижается. Всего за пять лет – за период с 2018 по 2023 г. – она снизилась на 1% (с 15,5% до 14,5%), а на более длительном временном отрезке в 40 лет – более чем на 16% (в 1980 г. ВВП сообщества составлял около 30% от мирового) [GDP based ... , 2023]. По некоторым пессимистичным прогнозам, эта доля может снизиться еще больше, достигнув отметки 9% от мирового ВВП к 2050 г. [Economic power ... , 2020]. Это обстоятельство, вероятно, потребует оптимизации затрат на международные проекты и программы Евросоюза в соответствии с сокращением объективных возможностей и, как следствие, глобальных амбиций ЕС. Евросоюз вынужден ужесточать подходы к реструктуризации международной задолженности развивающихся стран, учитывая интересы кредиторов (в том числе европейских), занимать более жесткую позицию относительно налогообложения доходов транснациональных компаний (в первую очередь, цифровых), что не всегда соответствует интересам некоторых стран «глобального Юга», устанавливающих для ТНК льготные режимы налогообложения.

Стремление ЕС более экономно расходовать ресурсы подразумевает пересмотр, переформатирование и даже ребрендинг таких форматов его сотрудничества с внешним миром как «Глобальная Европа» и Инструмент соседства, развития и международного сотрудничества (англ. Neighbourhood, Development and

International Cooperation Instrument, NDICI). Они становятся как бы «зонтичными» программами, объединяющими под одним мандатом прежде разрозненные программы и инициативы, в числе которых – Европейский фонд развития, ориентированный на страны Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона, а также заморские территории государств – членов ЕС; Европейский инструмент соседства; Инструмент финансирования сотрудничества в целях развития, который направляет помощь в Азию, Центральную Азию, Ближний Восток, Латинскую Америку и Южную Африку; Инструмент, способствующий стабильности и миру [Development aid ..., 2023]. Также активно привлекаются частные средства, что, несомненно, указывает на стремление Евросоюза к большей экономии на программах развития и многосторонних инициативах, нацеленных на укрепление международных позиций ЕС.

Как известно, главным стимулом для бизнеса является экономическая отдача, а не благотворительность, но подобная pragmatизация европейских программ развития может изменить в глазах мирового сообщества образ ЕС как глобальной «гражданской силы» и едва ли не главного протагониста глобального «надлежащего управления». Евросоюзу будет сложнее продвигать свою повестку через инкорпорацию разнообразных европейских норм и стандартов в международные документы, даже если признать, что он все еще располагает значительными организационными ресурсами для влияния на процесс принятия важнейших решений, обладая статусом коллективного члена, наблюдателя или постоянного представителя в более чем 30 крупных международных организациях (85% от их общей численности) [Tokhi, 2022].

В последнее время торговые партнеры ЕС все чаще расценивают его «эффективный мультилateralизм» как всего лишь завуалированную форму протекционизма, позволяющего европейским производителям получать преимущества через выгодную им систему международного регулирования различных сфер – промышленности и торговли, инвестиций, защиты климата и прав человека. Подобные подозрения небезосновательны, особенно если учитывать хорошо наложенную работу ЕС по линии международных организаций в ключевых сферах международного взаимодействия – торгово-экономической (ВТО), финансовой (МВФ, Всемирный банк), экологической (Парижское соглашение). Европейские

дипломаты действительно научились добиваться выгодных для ЕС решений в областях, где объединение имеет очевидные конкурентные преимущества перед другими развитыми экономиками.

Тем не менее, как показала недавняя история торгово-экономических споров между США и ЕС, конкуренты далеко не всегда готовы капитулировать перед европейской «нормативной силой». Вашингтон, в частности, выработал успешную тактику блокирования назначений судей апелляционного органа ВТО, что создавало препятствия для разрешения трансатлантических торговых разногласий до тех пор, пока в начале 2021 г. в США не сменилась президентская администрация [Van der Loo, 2022]. При этом примечательно, что последовавшая за победой американских демократов во главе с президентом Дж. Байденом планомерная нормализация американо-европейских отношений способствовала сближению позиций США и ЕС в вопросах пересмотра международных торговых правил, – однако во многом на американских условиях [EU-US summit … , 2021]. Содержание и направленность этих нововведений сводятся к отказу ЕС от прежней более «мягкой» позиции по отношению к государствам «глобального Юга», а также наиболее динамично развивающимся (и выступающим в роли экономических конкурентов «коллективного» Запада) странам Востока (Китай, Индия). Кроме того, Брюссель в общем и целиком солидаризировался с Вашингтоном относительно необходимости внедрить в систему ВТО особый дифференцированный режим, что на деле означает постепенный отход от сложившейся практики предоставления преференций развивающимся странам без учета уровня их развития. По мнению Европейской комиссии, развивающиеся страны должны быть ранжированы, экономически успешные отделены от неуспешных, и только вторые смогут пользоваться облегченными правилами ВТО [Communication … , 2021].

Медленное, но неуклонное отступление ЕС от следования универсальным многосторонним механизмам и постепенная переориентация объединения на переговорную модель, в которой гла-венствуют принципы диспозиции и компромисса между участниками, задают иную канву для отношений Брюсселя с внешним миром: соглашения с отдельными странами или организациями становятся более нюансированными, все чаще выстраиваются на двусторонней основе с заранее «вшитыми» в них европейскими

прерогативами и, как следствие, вызывают все меньше понимания у контрагентов по переговорному процессу [Youngs, Ülgen, 2022]. Многочисленные требования и условия, которые выдвигает ЕС при подготовке проектов будущих экономических соглашений, отсутствие гибкости в концептуальных, технических и политических вопросах приводят партнеров ЕС в замешательство, а порой – в состояние откровенного раздражения. Ярким примером является реакция КНР на действия ЕС применительно к Всеобъемлющему инвестиционному соглашению (ВИС) от 2021 г. Финальный текст документа, который был результатом длительных переговоров и скрупулезной работы по его согласованию, так и не вступил в силу. Брюссель нашел повод для ссоры с Пекином в политической плоскости, ввел санкции против китайских властей, обвинив их в подавлении оппозиции в Синьцзяне, и, встретив ответную реакцию КНР, отложил на неопределенный срок начало действия ВИС к невыгоде обеих сторон.

Не меньше сложностей возникает у ЕС и во взаимоотношениях с рядом других региональных партнеров, контакты с которыми завязались еще во времена существования Европейского экономического сообщества – предшественника ЕС. В первую очередь к этой группе относятся многие государства Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, по отношению к которым ЕС также пытается применять ограничительные меры экономического или экологического характера, в том числе требуя принять действующие в ЕС нормы по защите прав интеллектуальной собственности, выходящие за рамки соглашения ТРИПС ВТО¹. Значительные проблемы испытывает ЕС и в переговорах с региональными интеграционными группировками – АСЕАН и МЕРКОСУР. Диалог между ними и Евросоюзом по вопросу формирования зоны свободной торговли осложняется экологическими требованиями ЕС, в частности, требованиями к Индонезии и Малайзии ограничить экспорт биотоплива и прекратить бесконтрольную вырубку тропических лесов или аналогичными требованиями к Бразилии по поводу ее вредоносной деятельности в Амазонии [Baltensperger, Dadush, 2019 ; Hennessy, Vinanti, 2022].

¹ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности.

Стоит добавить, что экологические прения между ЕС и развивающимися странами не ограничиваются этими вопросами. Из-за того, что международный консенсус по поводу дальнейших мер по противодействию изменению климата пока отсутствует, в данной области сохраняется широкое пространство для маневра, чем успешно воспользовался Евросоюз, внедрив так называемый «механизм пограничной углеродной корректировки» – сугубо региональный режим, основанный на коммунитарных нормах ЕС, предполагающий введение особых тарифов для государств – партнеров Евросоюза, не применяющих в своей практике его высокие стандарты по борьбе с изменением климата.

Очевидно, что попытки ЕС переносить собственные, порой дискриминационные, природоохранные и иные правила на отношения с большой группой развивающихся государств, могут создать предпосылки для ослабления позиций Евросоюза как международного лидера в борьбе за открытую глобальную экономику и доступность общественных благ. Тем не менее имиджевые потери могут быть отчасти компенсированы за счет получаемых Евросоюзом экономических выгод, а отчасти – объяснены соображениями безопасности, что особенно важно в условиях нарастания общемировой геополитической напряженности.

В этом контексте расширение масштабов применения международных санкций – превращение их в едва ли не постоянно действующий международный режим с открытым списком подсанкционных субъектов из разных регионов мира (стран, организаций, отдельных лиц) – также способствует изменениям во внешнеполитической и внешнеэкономической стратегиях ЕС. Санкционная политика становится мерилом дальнейшей дифференциации международных контрагентов ЕС, поскольку служит очевидной целью – не допустить возникновения прокси-центров, которые могут использоваться для обхода санкций, наложенных на Россию, Иран, Китай и иные, находящиеся под западными ограничениями страны. Углубляющийся конфликт между ЕС и США, с одной стороны, и между ЕС и Россией и Китаем – с другой, порождает необходимость в дополнительных инструментах для хеджирования рисков. Очевидно, что укрепление сотрудничества между «западными демократиями» и широким кругом «недемократий» (или, в лучшем случае, «нелиберальных демократий») «глобального Юга»

(Центральной Азии, Африки, Ближнего Востока) в значительной мере будет определяться именно подобными соображениями.

Трансатлантическая аргументация в пользу внедрения в политico-экономическую практику таких концепций как «разделение» (англ. decoupling), «дружественное размещение» (англ. friendshoring) и «дерискинг» (англ. derisking) лишь дополнительно подтверждает тот факт, что Запад пытается ликвидировать (или, по меньшей мере, снизить) уязвимость своих промышленных, инфраструктурных и социальных объектов, в первую очередь, перед лицом растущего Китая [Ciuriak, 2023]. Материализация подобных концепций в той или иной мере подразумевает возвращение в домашнюю юрисдикцию важнейших производств (микроэлектроники, фармацевтики) и исключение из нее (или препятствование проникновению в нее) технологий, товаров и услуг из «недружественных» стран. В частности, вышеупомянутые европейско-китайские разногласия были обусловлены запуском в ЕС специального механизма скрининга прямых иностранных инвестиций (ПИИ) для предотвращения потенциального негативного воздействия китайских вложений на стратегические отрасли и критическую инфраструктуру ЕС (энергетику, транспорт, телекоммуникации, здравоохранение) и сохранения «технологического суверенитета» Евросоюза [Riela, 2023 ; Kamphof, Wessel, 2018].

В подобном ключе ЕС пересмотрел и свою промышленную стратегию от 2020 г., адаптировав ее под потребности «зеленого» и «цифрового» переходов, а также приняв во внимание негативный пандемический опыт, выявивший значительную зависимость ЕС от внешних поставок важнейших товаров медицинского и иного назначения. Руководствуясь буквой и духом этого документа, Евросоюз продолжает разрабатывать специальную регуляторную базу (в том числе – Европейский акт о микросхемах от 2021 г.) и форсирует создание специальных структур – Фонда разработки полупроводников и Обсерватории критических технологий. Опасаясь трансферта европейских биомедицинских технологий в неевропейские страны, ЕС всеми силами стремится сохранить контроль над их производством и распространением. Как показал отказ Брюсселя разрешить производство вакцин от COVID-19 в развивающихся странах, отступление от введенных ограничительных мер не допускается даже в чрезвычайных обстоятельствах.

Риторика о самодостаточности и необходимости удовлетворения потребностей прежде всего локального потребителя звучит едва ли не со всех высоких трибун ЕС как минимум с 2020 г. Однако простые рецепты решения подобных проблем вряд ли могут быть использованы в мире сложившихся кооперационных связей, технологических обменов и движения инвестиций с участием большого числа экономических субъектов (государств, компаний, организаций). Попытка перекроить тонкую ткань взаимозависимого мира может в конечном итоге дорого обойтись ЕС, который ранее не был склонен вести «игру с нулевой суммой» со своими партнерами, а предпочитал (пусть и несколько однобоко) придерживаться правила получения обоюдной выгоды от сотрудничества. Напротив, способность сохранить хрупкий баланс между безопасностью и выгодой от дальнейшего участия в международном разделении труда поможет ЕС удержать свой статус влиятельной экономической и политической силы.

Стабильность bipolarного международного порядка второй половины XX в. и его относительная однополярность на рубеже 1990–2000-х годов послужили демпфирующим фактором для европейской интеграции. Она во многом сохраняла прежние параметры, а потребности ЕС к адаптации в условиях постбиполярного мира (на ранних этапах неолиберальной глобализации) в целом хорошо удовлетворялись за счет прежних проверенных временем практик и подходов. На протяжении 1990-х годов процесс укрепления позиций ЕС в международных делах развивался нелинейно, сопровождался успехами и неудачами, но в целом давал определенные основания для оптимизма относительно будущего единой Европы.

Кризисы первых десятилетий XXI в. изменили данную картину не в пользу Европейского союза: потенциал его влияния на глобальный мир оказался отнюдь не безграничен. Более того, череда глобальных и европейских кризисов выявила очевидные препятствия на пути дальнейшего развития лидерского потенциала ЕС, что стало поводом пересмотреть прежние методы управления европейской интеграцией и политикой Евросоюза, как во внутреннем, так и во внешнем контурах. Меняющаяся внешняя стратегия ЕС, очертания которой вырисовываются все более рельефно, ука-

зывает на то, что ведущие страны Евросоюза и его руководящие институты стремятся найти выход из ловушки интеграционного застоя, занять более выгодное положение в системе глобального управления. Тем не менее обстановка для практической реализации усилий на этом направлении сейчас менее благоприятна, чем 20 или 30 лет назад.

Очевидно, что смена векторов внутреннего развития ЕС и его внешней стратегии будет проходить в сложных условиях – не без препятствий, а иногда и откровенного противодействия со стороны других влиятельных акторов. Реалии полицентричного мира диктуют старейшему в мире интеграционному сообществу новые правила и заставляют пересматривать форматы сотрудничества как с прежними партнерами, так и с конкурентами, отнюдь не готовыми принять и признать «европоцентричный» характер глобализации. Это обстоятельство затрудняет количественную и качественную оценку потенциала, необходимого ЕС для достижения «стратегической автономии».

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Белинский А.В. (2018). «Восстание против элит» : всплеск праворадикального популизма в Западной Европе // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 2. – С. 14–36 [Belinsky A.V. (2018). «The revolt against elites» : radical right populism surge in Western Europe [«*Vosstanie protiv elit*» : *vsplesk pravoradikal'nogo populizma v Zapadnoi Evrope*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 2. – P. 14–36]. (In Russian).

Братерский М.В. (2023). Будущее демократии : либеральные и неолиберальные модели в современном мире // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 1. – С. 7–17 [Bratersky M.V. (2023). The future of democracy : liberal and illiberal models in the modern world [Budushhee demokratii : liberal'nye i neoliber'nye modeli v sovremennom mire] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 1. – P. 7–17]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2023.01.01

Христенко Д.Н. (2012). «Движение чаепития» и внешняя политика США при администрации Б. Обамы // Вестник Московского университета. Серия 25 : Международные отношения и мировая политика / МГУ. – Москва. – № 2. – С. 62–86 [Khristenko D.N. (2012). «Tea Party Movement» and US foreign policy under the Obama administration [«Dvizhenie chaepitija» i vneshnjaja politika SShA pri administracii B. Obamy] // Bulletin of Moscow univ. Series 25 : International relations and world politics / MSU. – Moscow. – N 2. – P. 62–86.

Adler E. (2010). Europe as a civilizational community of practice // Civilizations in world politics : plural and pluralist perspectives / P.J. Katzenstein (Ed). – New York : Routledge. – 248 p.

Bremberg N. (2015). The European Union as security community-building institution : venues, networks and co-operative security practices // *J. of common market studies*. – Hoboken, NJ : John Wiley & Sons. – Vol. 53, Issue 3. – P. 674–692.

Baltensperger M., Dadush U. (2019). The European Union – Mercosur Free Trade Agreement : prospects and risks / Bruegel. – Brussels. – 24.09. – 16 p. – (Policy Contribution Issue 11). – URL: https://www.bruegel.org/sites/default/files/wp_attachments/PC-11_2019.pdf (date of access: 11.10.2023).

Barbero M. (2023). Europe is trying (and failing) to beat China at the development game // Foreign policy. – Washington, D.C. – 10.01. – URL: <https://foreignpolicy.com/2023/01/10/europe-china-eu-global-gateway-bri-economic-development/> (date of access: 04.12.2023).

Börzel T., Pamuk Y., Stahn A. (2008). Good governance in the European Union / Freie Universität. – Berlin. – 57 p. – (Berlin Working Paper on European Integration N 7). – URL: https://www.researchgate.net/publication/237573416_Good_Governance_in_the_European_Union (date of access: 04.12.2023).

Cernat L. (2022). Has globalisation really peaked for Europe? / ECIPE. – Brussels. – N 8. – 14 p. – URL: https://ecipe.org/wp-content/uploads/2022/10/ECI_22_PolicyBrief_Globalisation_08_2022_LY04.pdf (date of access: 04.12.2023).

Ciuriak D. (2023). The economics of supply chain politics : dual circulation, derisking and the Sullivan doctrine / C.D. Howe Institute. – Toronto. – 30.04. – 14 p. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4433712 (date of access: 04.12.2023).

Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions : trade policy review : an open, sustainable and assertive trade policy. (2021) / European Commission. – Brussels. – 18.02. – 23 p. – (COM(2021) 66 final). – URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:5bf4e9d0-71d2-11eb-9ac9-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (date of access: 04.12.2023).

Delhomme V. (2020). Emancipating health from the internal market : for a stronger EU (legislative) competence in public health // European j. of risk regulation. – Cambridge : Cambridge univ. press. – Vol. 11. Issue 4. – P. 747–756.

De Matos L.P. (2022). EU and China : mapping out a strategic interdependence / Caixa Bank. – Barcelona. – 13.05. – URL: <https://www.caixabankresearch.com/en/economics-markets/activity-growth/eu-and-china-mapping-out-strategic-interdependence> (date of access: 04.12.2023).

Defence expenditure of NATO countries (2014–2023) : communique. (2023) / NATO, Public diplomacy division. – Brussels. – 16 p.

De Ville F., Happersberger S., Kalimo H. (2023). The unilateral turn in EU trade policy? The origins and characteristics of the EU's new trade instruments // European foreign affairs review. – Hague : Kluwer. – Vol. 28. Special Issue. – P. 15–34.

Development aid and geopolitics : the EU's Global Gateway initiative. (2023) / I. Olivié, M. Santillán O'Shea (Coords.) ; Real Instituto Elcano. – Madrid. – 52 p. – URL: <https://web.archive.org/web/20231014055436/https://media.realinstitutoelcano.org/>

<wp-content/uploads/2023/08/policy-paper-development-aid-and-geopolitics-the-eus-global-gateway-initiative.pdf> (date of access: 04.12.2023).

Duchêne F. (1973). The European Community and the uncertainties of interdependence // *A nation writ large? Foreign policy problems before the European Community* / M. Kohnstamm, W. Hager (Eds.). – London : Palgrave Macmillan. – P. 1–21.

Economic power shifts. (2020) / European Commission. – Brussels. – 13.02. – URL: https://knowledge4policy.ec.europa.eu/foresight/topic/expanding-influence-east-south/power-shifts_en (date of access: 04.12.2023).

EU-US summit statement : towards a renewed Transatlantic partnership. (2021) / European Council. – Brussels. – 15.06. – 7 p. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/50758/eu-us-summit-joint-statement-15-june-final-final.pdf> (date of access: 04.12.2023).

External perceptions of the European Union as a global actor. (2010) / S. Lucarelli, L. Fioramonti (Eds.). – New York : Routledge. – 256 p.

Farrell H., Newman A. (2023). *Underground empire : how America weaponized the world economy*. – New York : Henry Holt and Co. – 288 p.

Fligstein N. (1998). Is globalization the cause of the crises of welfare states? / European univ. institute. – San Domenico di Fiesole. – 61 p. – (EUI working paper SPS N 98/5). – URL: <https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/298/sps98-5.pdf> (date of access: 04.12.2023).

GDP based on PPP, share of world. (2023) / International Monetary Fund. – Washington, D.C. – URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/EU/CHN/USA> (date of access: 04.12.2023).

Hennessy A., Vinanti P. (2022). EU–Indonesia trade relations // *A geo-economic turn in trade policy : EU trade agreements in the Asia-Pacific* / J. Adriaensen, E. Postnikov (Eds.). – London : Palgrave Macmillan. – P. 318–342.

In focus : reducing the EU's dependence on imported fossil fuels. (2022) / European Commission. – Brussels. – 20.04. – URL: https://commission.europa.eu/news/focus-reducing-eus-dependence-imported-fossil-fuels-2022-04-20_en (date of access: 04.12.2023).

Initiative pour l'Europe : discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie démocratique. (2017) / Élysée. – Paris. – 26.09. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique> (date of access: 04.12.2023).

Jupille J., Caporaso J.A. (1998). States, agencies and rules : the European Union in global environmental politics // *The European Union in the world community* / C. Rhodes (Ed.). – Boulder, CO : Lynne Rienner. – P. 213–230.

Kamphof R., Wessel R. (2018). Analysing shared competences in EU external action : the case for a politico-legal framework // *Europe and the world : a law review* / UCL. – London : UCL press. – Vol. 2, N 1. – P. 38–64.

Kanzlerin Merkel im Gespräch : «Europa muss handlungsfähig sein». (2018) // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – Frankfurt am Main. – 03.06. – URL:

- <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/kanzlerin-angela-merkel-f-a-s-interview-europa-muss-handlungsfahig-sein-15619721.html> (date of access: 04.12.2023).
- Lagarde Ch. (2022). A new global map : European resilience in a changing world. – Washington, D.C. – 22.04. – URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2022/html/ecb.sp220422~c43af3db20.en.html> (date of access: 04.12.2023).
- Leonard M. (2021). The age of unpeace : how connectivity causes conflict. – London : Bantam press. – 240 p.
- Lohmann S. (2021). European strategic autonomy : the test case of Iran // European review of international studies. – Hague : Brill. – Vol. 8. Issue 3. – P. 443–477.
- Making next generation EU a permanent tool. (2023) / Allemann F., Creel J., Leron N., Levasseur S., Saraceno F. ; Foundation for European progressive studies (FEPS). – Brussels. – 44 p. – URL: <https://feps-europe.eu/wp-content/uploads/2023/03/Making-Next-Generation-EU-a-permanent-tool.pdf> (date of access: 04.12.2023).
- Manners I. (2002). Normative power Europe : a contradiction in terms? // J. of common market studies. – Hoboken, NJ : John Wiley & Sons. – Vol. 40. Issue 2. – P. 235–258.
- Nölke A. (2022). The weaponization of global payment infrastructures : a strategic dilemma / Leibniz Institute für Financial Research SAFE. – Frankfurt am Main. – 12 p. – (SAFE White Paper N 89). – URL: https://safe-frankfurt.de/fileadmin/user_upload/editor_common/Policy_Center/SAFE_White_Paper_89.pdf (date of access: 04.12.2023).
- Norris P., Inglehart R. (2019). Cultural backlash : Trump, Brexit and authoritarian populism. – Cambridge : Cambridge univ. press. – 564 p.
- O'Neill A. (2023). European Union : share in global gross domestic product based on purchasing-power-parity from 2018 to 2028 // Statista. – New York. – 28.04. – URL: <https://www.statista.com/statistics/253512/share-of-the-eu-in-the-inflation-adjusted-global-gross-domestic-product/> (date of access: 04.12.2023).
- Patel O., Renwick A. (2016). Brexit : the consequences for other EU Member States / UCL. – London. – 5 p. – (UCL Constitution Unit Briefing Paper N 4). – URL: https://www.ucl.ac.uk/constitution-unit/sites/constitution_unit/files/briefing-paper-4.pdf (date of access: 04.12.2023).
- President Jean-Claude Juncker's State of the Union address 2017. (2017) / European Commission. – Brussels. – 13.09. – URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-17-3165_en.htm (date of access: 04.12.2023).
- Riela S. (2023). The EU's foreign direct investment screening mechanism two years after implementation // European view. – Thousand Oaks, CA : Sage. – Vol. 22, Issue 1. – P. 57–67.
- Scholz O. (2022). Special address at Davos. – Davos. – 27.05. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/05/olaf-sholzs-speech-to-davos-2022-in-full/> (date of access: 04.12.2023).
- Sjöholm F. (2023). Navigating the new normal : the European Union's changing stance on globalization in the era of trade conflicts / IFN. – Stockholm. – 21 p. – (IFN Working Paper N 1466). – URL: <https://www.ifn.se/media/p34dyzls/wp1466.pdf> (date of access: 04.12.2023).

Springford J. (2022). The US could cope with deglobalisation : Europe couldn't / Centre for European reform. – London. – 03.08. – URL: <https://www.cer.eu/publications/archive/bulletin-article/2022/us-could-cope-deglobalisation-europe-couldnt> (date of access: 04.12.2023).

Tokhi A. (2022). International organizations, European Union access, and authority // J. of European integration. – London ; New York : Routledge. – Vol. 44, Issue 5. – P. 617–634.

Understanding the EU as a good global actor : ambitions, values and metrics. (2022) / E. Fahey, I. Mancini (Eds.). – Northampton : Edward Elgar publishing. – 314 p.

Van der Loo G. (2022). Getting the WTO's dispute settlement and negotiating function back on track : reform proposals and recent developments / Leuven Centre for global governance studies. – Leuven. – 31 p. – (Working Paper N 232). – URL: <https://ghum.kuleuven.be/ggs/documents/wp232-vanderloo.pdf> (date of access: 04.12.2023).

Webber D. (2016). Declining power Europe // European review of international studies. – Hague : Brill. – Vol. 3, Issue 1. – P. 31–52.

Youngs R., Ülgen S. (2022). The European Union's competitive globalism // Carnegie Europe. – Brussels. – 17.02. – URL: <https://carnegieeurope.eu/2022/02/17/european-union-s-competitive-globalism-pub-86329> (date of access: 04.12.2023).

Zielonka J. (2006). Europe as empire : the nature of the enlarged European Union. – Oxford : Oxford Academic. – 304 p.

DOI: 10.31249/ape/2024.01.06

**Nadtochey Yu.I.¹
The European Union
in a changing paradigm of globalization**

Abstract. Changes in the direction and content of globalization that became evident at the turn of the 2010–2020s have raised questions about the European Union's (EU) position and role in these processes as one of the key players in a polycentric world. The article seeks to analyze the EU's position in international economic and political relations and evaluate the «starting point» from which the EU entered the era of globalization. The article portrays the EU as a unique (*sui generis*) security community that exports integration practices beyond its borders; special attention is paid to such specific instruments as «Europeanization» and «conditionality» as means of expanding the EU's influence both within Europe and on a more global scale. The limited

¹ Nadtochey Yury Ivanovich – PhD in History, Senior Researcher, INION RAN; ynadtochey@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8725-6495.

impact of the EU's methods of exerting influence in its dealings with major powers (the US, China, Russia) and with a wide group of countries in the «Global South» is emphasized. A comparison of assessments of the potentials of the EU and other centers of power is made, leading to the conclusion that the EU's capabilities as an international actor are waning. In this context, the reasons for the EU's retreat from more altruistic approaches to global governance based on «good governance» principles and the prerequisites for introducing more unilateral and more Eurocentric measures in the EU's relations with the outside world are analyzed. The article postulates the thesis that the EU is increasingly focusing on the concept of «strategic autonomy» in response to the challenges of globalization, the diminishing importance of purely market-driven factors, and the growing influence of geopolitical and security concerns.

Keywords: globalization, deglobalization, integration, European Union (EU), multilateralism, Europeanization, international organizations, strategic autonomy, Global South.

Статья поступила в редакцию (Received) 24.10.2023

Доработана после рецензирования (Revised) 28.10.2023

Принята к публикации (Accepted) 31.10.2023